

«Не делай торопливым шаг»

ПОЭЗИЯ

На обложке книги стихов Салима Фатыхова «Расслоенное время», вышедшей в малой серии библиотеки поэзии «Каменный пояс» издательства «Банк культурной информации» (Екатеринбург), осенняя русская береза, стоящая на берегу, а в воде отражаются силуэты куполов и минаретов.

Людам, одинаково свободно чувствующим себя в двух культурах, можно позавидовать: их внутренний мир обретает особую глубину, а вдохновение берет силу из двух источников.

Салим Фатыхов, известный более всего как автор «Мировой истории женщины», а также двух стихотворных сборников, приключенческой повести, научных публикаций, по профессии журналист. Родился и учился в Магнитогорске, служил на Тихоокеанском флоте, работал в экспедициях в Арктике, на Северном Урале, в Казахстане...

Но огромное впечатление на него, выросшего и воспитанного в реалиях европейской цивилизации, оказал древний мир Средней Азии, где довелось жить и работать.

За плечами уже была жизнь, полная разнообразных впечатлений. Можно было бы просто принять ее как данность и не мучиться вечными вопросами, не пытаться выяснить, что в тебе откуда, почему и для чего. Но пыль веков, поднимаемая сегодняшними ветрами, будит воображение.

Отсюда в его лирике, а Фатыхов поэт лирический, сложное и тонкое переплетение мотивов двух культур, двух миров, столь плотное, что это уже один гармоничный мир. Стихи Фатыхова вольно или невольно оспаривают киплинговское «запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не быть». Быть. И не просто соседствуя, а породившись и рождая новое видение мира.

Отсюда, наверное, в стихах Фатыхова так много неожиданных образов, сравнений. У него «дом гвоздями памяти забит», «обелиски, как зенитки, пристрелялись к облакам», город «уснет, как доверчивый мамонт», отец «лежит под серым камнем, планету обхватив руками», «в знакомых бабушкиных ботах по лужам шлепает весна»... Это один мир. А там, где «кроны алых осин ослепят, словно скифские гривны», «белые стихи Хафиза, бриз восточного каприза, легкость девичьего стана, синий купол Регистана», берет верх другой — жаркий и пранный...

А в результате возникает нечто третье — простой, строгий, чуждающийся цветистости и чувств напояк фатыховский стих. Например, такой:

Что ты изводишь любовь нашу?
Что ты изводишь?
Тонкие брови в обиде
придуманной сводишь.
Нить откровений зачем,
не подумавши, рубим?
Мы на земле этой больше уже
не полюбим...
Хорошо, правда?

Эта классная внеклассная классика

В художественной литературе есть только одна тема: человек

ХОТИТЕ, Я ВАС СРАЗУ ОТПУГНУ, так что расхочется читать эту статью? Пожалуй: Гоголь! Что, заскучили, посмурнели, отпрянули? Вот вам еще: Достоевский! Пробирает дрожь? Еще спасибо скажите, что я вас не заставляю их читать, а то депрессия на фоне прогрессирующей потери веры в себя из-за неспособности наслаждаться, чем вроде бы наслаждаться положено, длилась бы у вас годами.

Правильно подметил старый каверзник Фрейд: все начинается в детстве. Вряд ли он, конечно, предполагал, что сексуальные расстройства и страх перед русской классической литературой будут так близки по времени зарождения и по воздействию на психику, но дело просто в том, что он не был русским, иначе наверняка провел бы параллели. А они таковы: в семье у ребенка якобы возникает «комплекс отца» — страх перед величиной той штуки, которая у него самого пока мизерная; в школе у ребенка возникает безо всякого якобы «комплекс классика» — страх перед величием тех штук, которыми шеголяют классики. Последние пишут что-то большое и непонятное, что-то почитаемое умными взрослыми и преподносимое как безусловно прекрасное. Но ребенок в силу возраста, в силу жизненной и литературной малоопытности не видит в преподносимом ничего прекрасного, он видит только нечто большее. Его заставляют зубрить отрывки, отыскивать тайные смыслы поступков и скрытые пружины поведения героев, раскладывать на составляющие целые эпохи, и он сизмальства приучается впадать в ступор от сакрального вопроса: «Что хотел сказать автор?» Ну откуда дети могут знать, что хотел сказать взрослый дядька, живший сотни лет назад? Откуда вообще кто-либо может знать, что хотел сказать тот или иной человек, автор он или не автор, живший хоть пятьсот лет, хоть день назад?! И дети замыкаются, думая: «Тупой я, тупой. Все знают, все понимают, даже книжки и учебники написали про свое понимание, а я ничего не понимаю». И дети начинают тихо ненавидеть всю классическую литературу, отворачиваясь от нее и поворачиваясь к простеньким детективам и боевикам, потому что там все понятно: пошел-побежал, достиг-настиг, стрелял-пальнул, и никто не спросит: «А что этим хотел сказать автор?» Автор что хотел, то и сказал, причем донес свою мысль до потребителя кристально ясной и доступными словами: «А! О! У! Э! Куда?! Твою мать! Булшит и подонок!» И ребенок расслабляется, чувствуя себя полноценным, потому что понимает и тайные смыслы поступков и скрытые пружины поведения героев, ощущая себя равным среди равных, а не маленьким глупышкой среди страшных и серьезных классиков.

Между тем, классики далеко не всегда серьезные и вовсе не так страшны, если глянуть на них нормальным глазом, не отягощенным обязанностью быть глубоким мыслителем и аналитиком, помня, что писалось это взрослыми для взрослых же, просто почитать для своего удовольствия. Они же тоже писали далеко не в последнюю очередь для своего удовольствия, а не от исторической необходимости, и не обязательно предполагали стать классиками, «выразить чаяния» или «отразить тенденции времени» — мол, ну-ка, я сотворю всеобъемлющее произведение для школьных учебников, чтобы было чего де-

тишкам зубрить, да чтоб они осознанным, выражающим, отражающим, тывающим и классический. Они были нормальными людьми (правда, иногда с небольшими, но притом полезными для литературы отклонениями), старались быть интересными, читаемыми, остроумными. Словом, они были людьми, просто такими, которые умели хорошо писать, лучше многих и многих других, и именно поэтому их произведения стали классическими.

В художественной литературе есть, по большому счету — да, впрочем, по любому счету — только одна тема: человек. Но разве Чехов разыскивал каких-то необычных людей и рассказывал об их небывалой жизни? Или Гоголь в пугающем школьников «Ревизоре» описал какой-то экстраординарный случай из быта представительной внесемской цивилизации? Из-за этой экзотики их изучают в школе? Нет, нет и нет. Все дело не в том, какими событиями они окружали героев, О ЧЕМ писали, а в том — КАК. Здесь кроется, говоря современным языком, секрет их успеха. Именно сюда, по моему глубочайшему убеждению, должен сместиться акцент в преподавании литературы, с тем чтобы она из скучно-ненавистно-обязательной пре-

Классики далеко не всегда серьезные и вовсе не так страшны, если глянуть на них нормальным глазом

вратилась в веселую, любимую и желанную. И даже смешную. Но это уже личное пожелание просто потому, что мне больше всего нравится смешное. А чтобы не быть голословным, предлагаю вам несколько отрывков из любимой классики, понадерганных наугад из близстоящих книг. Авторам приводить не буду, чтобы лишний раз не отпугивать людей с неустойчивой еще со школьной скамьи психикой. Заодно, кстати, и себя проверите — помните ли, знаете ли.

«В окне помешался (человек) с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно было подумать, что на окне стоял два самовара, если б один самовар не был с черною как смола бороною».

«Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше — самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит».

«Несмотря на то что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек».

«...тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают; побежит за ней следом и тотчас обратит внимание».

«Как он ни был степенен и рассудителен, но тут чуть не произвел даже скачок по образцу

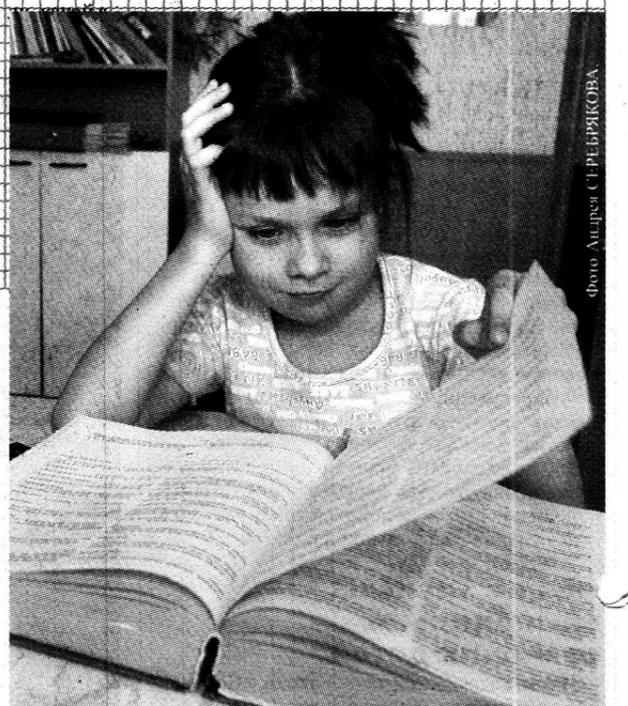

Фото Андрей СЕРБЯКОВ

козла, что, как известно, производится только в самых сильных порывах радости».

«Он приехал бог знает откуда, я тоже здесь живу...»

«Некий австрийский интендант, не замедлив после Утрехтского мира задать пир пятерым своим соратникам, предварительно наказав майорскому своему податю на стол пять килек, по числу ожидаемых. А как один из гостей, более противу прочих проворства имеющий, распорядился на свою долю, заместо одной, двумя кильками, то интендант, усмотрев, что чрез сие хврейший из соратников Бремзенбургфон-Экштадт определенной ему порции вовсе лишился, воскликнул: «Государи мои! кто две кильки взял?»

Название стихотворения: «Древней греческой старухе, если б она домогалась моей любви».

«Если у тебя спрошено будет: что полезнее солнце или месяц? — ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц — ночью».

«Пошевелив пальцами ног, Степа догадался, что лежит в носках, трясущейся рукою провел по бедру, чтобы определить, в брюках он или нет, и не определил».

Вот таким вот примерно образом. В завершение хочу привести мнение, которое слышал не раз и которого придерживаюсь сам: большую часть того, что изучается в школе по литературе, в школе изучать рано. Всех красот многие дети не видят и не понимают, но зато получают стойкое отвращение как к классическим авторам, так и к слову классика вообще. В результате они остаются вне исторического литературного процесса, остаются без лучшего, потому что в более зрелом возрасте их уже вряд ли подвигнешь на чтение опостылевших еще в детские годы писателей. (Хотя именно это я сейчас и пытаюсь сделать.) Вот вам и самая читающая страна в мире. А что читающая-то?

Геннадий АМИНОВ.

Евангелие от противного

БЕСТСЕЛЕР

Эсхатология в исполнении Владимира Соловьева — привычное явление для русской культуры. В начале XX века известный философ-мистик Владимир Соловьев написал «Краткую повесть об Антихристе», которая оказала огромное влияние

на духовную жизнь русской интеллигенции.

В начале XXI века популярный тележурналист Владимир Соловьев сделал новую попытку описать приход лжемессии — описать апокалипсис времен глобализации.

Главный герой зачат посредством клонирования ДНК

Иисуса Христа. Он творит чудеса, читает мысли, исцеляет больных. В его пиар-кампании принимают участие Билл Гейтс, Тэд Тернер и Ларри Кинг. А сам Соловьев довольствуется скромной ролью апостола — он наставляет на путь истинный Путина и Волошина, спасает их от

чеченских террористов, служит посредником на переговорах нового мессии с Папой Римским. Все это описывается скабрзным и суетливым тоном журналиста Владимира Соловьева, который из всех существующих в мировой культуре персонажей, близких к темным силам, ассоциируется, пожалуй, только с котом Бегемотом. Но Соловьев, в отличие от кота Бегемота, стремится угодить не только своему хозяину, но и всем на свете. Читателям, которые любят простенькие детективы, критикам, которые любят шуточки, даже читательницам дамских романов. С ними всеми он делится своими апостольскими ошу-

щениями, своими вкусами и привычками и даже своими маленькими противными психологическими проблемами, как, например, боязнь пластиковых пакетиков в супермаркете.

По идее, читатель в конце книги (продолжение которой вскоре последует) должен догадаться, что клонированный Даниил — не Мессия, а наоборот. Но раздувшийся апостол Соловьев занимает в книге так много места, что уже не до эсхатологии: популярный Спаситель и не менее популярный Антихрист становятся элементами черно-белой заставки к красочному шоу самого Соловьева.

Юлия ВИШНЕВЕЦКАЯ.